

ГЛАВА 44. САМЫЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК

Юй Дай тихо рассмеялся:

— А мальчишка-то с характером, упрямый. Натерпишься ты с ним еще.

Ан Но очень хотелось съязвить в ответ: «Раз Ся Цзинхуэй тебя терпит, то я уж как-нибудь с капризами Бай Ичэня справлюсь», но вместо этого он лишь устало выдохнул:

— Да у него не просто характер... Он меня только что так костил, что живого места не осталось.

Юй Дай, всегда падкий на подобные сплетни, тут же оживился и принялся расспрашивать о подробностях. Однако, выслушав рассказ Ан Но, он мгновенно растерял всю свою веселость.

— Не думал всерьез за ним поухаживать? — спросил он уже вполне серьезно.

— Да что вы все ко мне с этим вопросом пристали? — взорвался Ан Но. — Пару часов назад Хань Цзыфэй донимал, теперь ты. Хотел бы — давно бы уже начал, чего ждать-то? Даже если забыть про задание и представить, что мы обычные люди, я не собираюсь за ним бегать.

Ан Но отрезал это так решительно, что не оставил места для сомнений.

— Это еще почему?

— Почему? Да потому! Ему всего восемнадцать, жизнь только начинается. Впереди — лучшие годы, а я что, должен затащить его в это болото? Сам же знаешь, как тяжело приходится «нашим» в обществе. К тому же он еще совсем ребенок. Он видит во мне старшего брата, и это правильно. Зачем мне все портить? Чтобы мы потом при встрече глаза прятали и мечтали никогда больше не видеться?

Ан Но считал свои доводы разумными и простыми. «Я люблю тебя, но это только мое дело» — таков был его негласный девиз.

Юй Дай немного помолчал, а потом негромко произнес:

— Ты не думал, что он так сорвался вовсе не из-за того, о чем ты говоришь?

— А из-за чего тогда?

— Ан Но, вспомни, когда с Ся Цзинхуэем случилась беда, кому в управлении доставалось

больше всех?

— Цинь Сяо, понятное дело. Ты его чуть в могилу не свел своими придирками.

— А как по-твоему, я тогда понимал, что он ни в чем не виноват?

— Э-э... Ты хочешь сказать... — Ан Но начал о чем-то догадываться.

— Я срывался на Цинь Сяо, потому что мне нужен был выход для боли и стресса. Кроме Цзинхуэя, он был мне ближе всех в управлении... Понимаешь? Человек порой вымещает злость только на тех, кто ему по-настоящему дорог.

Перед глазами Ан Но вдруг всплыла сцена в ресторане домашней кухни Цзюсян, когда Бай Ичэнь назвал босса Чэня «чужим», а его, Ан Но, — «своим».

— Может, у вас все взаимно? — с надеждой предположил Юй Дай.

Ан Но внезапно покраснел. Он стиснул зубы.

— Не носи чепухи. Я только жизнь ему испорчу. Мальчишке восемнадцать лет, этот путь слишком тернист.

— Почему сразу «испорчу»? — голос Юй Дая стал жестким. — Ан Но, ты так говоришь только потому, что сам считаешь это чем-то неправильным, постыдным. Будто это шаг в бездну! Но в чем именно мы виноваты?

Сам того не замечая, Юй Дай перешел на «мы», словно бросая вызов всему миру, который так упорно клеймил их изгоями.

— Любить человека — это не преступление. Да, у любви есть свои законы морали, но, как я всегда говорю, мы живем своей жизнью и никому не мешаем. Мы просто хотим быть счастливыми. Да, обществу трудно нас принять, но подумай: разве любая другая любовь дается легко? Будь твоим избранником девушка, тебе пришлось бы сражаться с толпой конкурентов, угождать ее родителям, сестрам, подругам... Тебе нужно было бы купить квартиру, машину, добиться успеха, обеспечить ей роскошную жизнь, чтобы ей было чем хвастаться перед знакомыми. Тебе нужно было бы устроить детей в лучшие школы... Ан Но, разве это — легкий путь?

— Да, Бай Ичэню всего восемнадцать. Но разве в восемнадцать лет человек не имеет права любить? Его чувства могут быть незрелыми, но это не ошибка. И подумай еще вот о чем: если он тоже тебя любит, то твой отказ ранит его куда сильнее, чем все общественные предрассудки. Сколько лет я тебя знаю, ты никогда не был трусом. Что-то я не припомню, чтобы ты так переживал, когда затаскивал девчонок в постель.

Юй Дай говорил все горячее, искренне возмущенный нерешительностью друга. Ан Но, чувствуя, как разболелась голова, поспешил его прервать:

— Ладно, ладно, я понял! Хватит нотаций. Всего-то и сумел, что одного Ся Цзинхуэя совратить, а гонору-то сколько...

— Ан Но, мне и одного Ся Цзинхуэя на всю жизнь хватит. Я за этот шанс зубами держаться буду. И поверь, оно того стоит, — в тихом голосе Юй Дая прозвучала бесконечная гордость.

Ан Но промолчал. Он прислонился к стене у входа в палату и посмотрел на Бай Ичэня, который забылся тяжелым сном.

«Если бы я мог получить его... я был бы самым счастливым человеком на свете».

Повесив трубку, Ан Но придвинул стул к кровати. Он смотрел на осунувшегося парня, который умудрился так сильно похудеть всего за неделю, и сердце его сжималось от нежности. Ан Но был человеком дела: если он что-то решал, то шел до конца. Раз он решил, что «маленький скряга» переедет к нему, значит, нужно найти способ его уговорить. Это была первоочередная задача. Кроме того, теперь, когда у Бай Ичэня были эти сто пятьдесят тысяч, нужно было заставить его бросить работу — особенно в баре. Но согласится ли он, если заработок для него сейчас — смысл жизни? И сможет ли Ан Но по-настоящему защитить его, если заберет к себе? Хань Цзыфэй, этот Ли Цзяньцзэ...

Ан Но понимал, что впереди его ждет нешуточное испытание. Когда он соглашался на это задание, он и представить не мог, во что это выльется.

Бай Ичэнь проснулся от боли. Жгучее, раздирающее чувство в спине преследовало его даже во сне. Ему снилось, как тот жирный ублюдок с мерзким смешком набрасывается на него, рвет одежду, оставляя на коже уродливые отметины. Во сне у него не было сил даже пошевелиться, он мог только надрывно звать Ан Но. А Ан Но стоял совсем рядом, в каких-то пяти метрах, спокойно попивал пиво и улыбался прохожим. А потом целая толпа людей окружила их и, глумливо смеясь, смотрела, как толстяк медленно раздевает его донага...

— Нет... не надо... отпустите... прошу, отпустите меня...

В бреду Бай Ичэнь зарыдал, начиная метаться на кровати. Ан Но, задремавший у изголовья, подскочил как ошпаренный. Он крепко прижал парня к матрасу, не давая ему потревожить раны, и склонился к самому уху:

— Бай Ичэнь, Бай Ичэнь! Проснись, это просто сон... Все хорошо, ты в безопасности.

Бай Ичэнь резко распахнул глаза. В его огромных глазах застыл первобытный ужас. Ан Но не выдержал и коснулся его щеки, поглаживая большим пальцем.

— Тише, маленький, не бойся. Это был кошмар. Все закончилось.

Взгляд Ичэня постепенно стал осмысленным. Ан Но внутренне напрягся. Он всерьез опасался, что, придя в себя, парень снова устроит истерику, разбередит раны или впадет в такое неистовство, что придется звать врачей с успокоительным. Но Бай Ичэнь не закричал. Он лишь мелко, судорожно вздрогнул всем телом. От этой дрожи у Ан Но все внутри перевернулось. Ему стало невыносимо от мысли, что он довел этого ребенка до такого состояния, что тот теперь его боится.

— Ан... Старший брат Ань... — пробормотал Бай Ичэнь. Он все еще выглядел потерянным.

Ан Но ласково улыбнулся:

— Я здесь. Не волнуйся, я никуда не уйду.

Бай Ичэнь моргнул, и на его бледных щеках проступил румянец — видимо, он начал что-то вспоминать. Он болезненно нахмурился, а на висках выступили крупные капли пота.

— Что такое? Очень больно? — в голосе Ан Но послышалась неприкрытая тревога.

Бай Ичэнь прикрыл глаза. Больно было невыносимо. Он мог только мелко, прерывисто дышать.

Ан Но лихорадочно схватил со стола две таблетки обезболивающего, которые выпросил у медсестры еще ночью. Тут же выяснилось, что воды нет. Он вскочил, намереваясь сбежать за стаканом, но не успел сделать и шага — он мертвой хваткой вцепился в штанину. Бай Ичэнь, до крови закусив губу, смотрел на него с таким отчаянием и страхом, что у Ан Но закружилась голова.

— Сяо Бай, мне нужно принести воды. Я обернусь за две минуты, обещаю! Слышишь? Просто поверь мне на этот раз.

Ан Но едва ли не умолял его, стараясь унять нарастающую панику парня.

Бай Ичэнь медленно, палец за пальцем, разжал хватку.

Ан Но со всех ног бросился к посту медсестер, выхватил бумажный стаканчик и рванул к бойлеру. Он был уверен, что за всю учебу в полицейской академии не бегал кроссы с такой скоростью. Когда он ворвался в палату, то ничуть не удивился: Бай Ичэнь лежал, не мигая глядя на дверь. Сердце Ан Но болезненно кольнуло. Сколько раз этот «глупый Сяо Бай» вот

так, затаив дыхание, ждал, когда замок щелкнет?

— Ну вот, видишь? Ровно две минуты, — натянуто улыбнулся Ан Но, пытаясь разрядить обстановку.

Дать лекарство оказалось той еще задачей. Бай Ичэнь лежал на животе, и пить в таком положении было практически невозможно. Ан Но несколько раз пробовал приподнять его, но стоило ему коснуться парня, как тот закусывал губы, и из глаз катились слезы.

— Сяо Бай, давай я сбегаю вниз, куплю упаковку трубочек? Полежишь немного?

— Не надо, брат Ань. Я не хочу пить, — поспешно ответил Бай Ичэнь.

Ан Но посмотрел на его потрескавшиеся, сухие губы.

— Тебе нужно принять лекарство! И мне все равно нужно купить тебе поесть. Я еще раньше хотел сходить, но ты спал, и я боялся отойти.

Бай Ичэнь внезапно перехватил левую руку Ан Но.

— Брат Ань, я не голоден!

Ан Но свободной рукой взъерошил его волосы, а потом отвернулся в сторону, чтобы Бай Ичэнь не видел, как он быстро смахнул набежавшую слезу. Он понимал: парень напуган до смерти. Оставлять его сейчас одного было просто преступно.

— Послушай, — мягко предложил он, — давай я сбегаю к медсестре, попрошу шприц. И сделаю один звонок, прямо здесь, в коридоре. Дверь оставлю открытой, ты будешь меня видеть. Идет?

Бай Ичэнь нехотя отпустил его руку и буркнул:

— Больно надо мне на тебя смотреть...

— Ну, значит, это мне надо на тебя смотреть, — серьезно ответил Ан Но. — Я места себе не нахожу, когда ты не на виду.

Честное слово, он сказал это без всякого подтекста, просто к слову пришлось, но, увидев, как вспыхнули уши Бай Ичэня, понял — опять ляпнул лишнего.

Бай Ичэнь спрятал руки под подушку и воинственно проворчал:

— Иди уже, иди! Я вообще-то пить хочу, помираю просто.

Ан Но усмехнулся про себя: «Какой же я все-таки добрый, раз не напоминаю ему, кто только что заявлял, что не хочет пить».

Чтобы раздобыть шприц, Ан Но пришлось вылить на медсестер море обаяния и наговорить кучу комплиментов. Наконец, с помощью импровизированного приспособления Бай Ичэнь выпил два стакана воды и принял таблетки. Вскоре в палату заглянул Чжоу Сюй.

Ан Но отошел в сторону. Пока врач осматривал раны, он украдкой заглянул через плечо. Ночью, в суматохе, когда вокруг кишели люди в белых халатах, он толком ничего не разглядел. Сейчас же он увидел все. И в ту же секунду пожалел об этом. Ему захотелось прямо сейчас вернуться в бар и самолично придушить ту жирную свинью.

Чжоу Сюй закончил осмотр и повернулся к Ан Но. Он сухо проинструктировал: следить, чтобы не попала инфекция, давать антибиотики по часам и проверять температуру — после таких травм она часто подскакивает. Ан Но старательно все запоминал. Проводив врача, который почему-то весь осмотр загадочно улыбался, он подошел к окну и набрал номер Сяо И.

Было уже около восьми утра. Сяо И, помогавший Чжэн Жую улаживать дела после ночного происшествия, только добрался до дома. Он собирался принять душ и переодеться, прежде чем ехать в больницу. Ан Но попросил его захватить порцию каши, уточнив: «Обязательно с курицей, Сяо Бай такую любит».

— Ладно, сделаю, — отозвался Сяо И и мимоходом спросил: — А тебе какую?

— Мне? — Ан Но замялся. Он даже не заметил, как пролетела ночь, и только сейчас почувствовал, что он проголодался. — Мне... да любую.

Вернувшись к кровати, Ан Но застал Бай Ичэня за напряженными раздумьями. Тот мучительно решал: стоит извиняться или нет? С одной стороны, брат Ань вроде бы не обиделся на его ночную истерику. С другой... делать вид, что ничего не произошло, как-то неправильно.

Обезболивающее начало действовать, и, когда жуткая пульсация в спине утихла, Бай Ичэнь смог наконец здраво рассуждать. Он понял, что Ан Но незаслуженно стал козлом отпущения. Гнев, вспыхнувший ночью, теперь казался бессмысленным.

— Ан... брат Ань, — решился честный ребенок.

— Да? — Ан Но присел рядом на стул.

— Тот случай... ну, вчера... Я не на тебя... Я, в общем... — Ичэнь запнулся. Он и сам не знал, как объяснить, почему весь накопленный ужас и ярость вылились именно на Ан Но.

— Все нормально, забудь, — улыбнулся Ан Но и снова потрепал его по голове. Он действительно был рад. Глядя на смущенного Бай Ичэня, он вспомнил слова Юй Дая: «Для этого мальчика ты особенный».

— Нет, брат Ань, послушай, — заволновался Бай Ичэнь. Он очень боялся, что Ан Но сочтет его взбалмошным и грубым, начнет избегать или возненавидит. Тот период их «холодной войны» до сих пор вспоминался с содроганием. — Я сам не понял, что на меня нашло. Просто в тот момент мне казалось, что это ты во всем виноват. Я думал: почему ты не пришел? Почему не помог мне? Ты... мне казалось, ты обязан был быть там... В общем, я не со зла. На Хань Цзыфэя мне было плевать, а как тебя увидел — так и сорвался...

В пылу объяснений Бай Ичэнь понял, что, кажется, сделал только хуже.

— А-а... Значит, это меня ты видеть не можешь, на меня наорать тянет, — поддразнил его Ан Но, но в душе у него пели птицы.

Он понял. Он все понял. Бай Ичэнь сорвался на него именно потому, что в глубине души безраздельно ему доверял. Подсознательно он верил, что Ан Но — его щит, его защита. И когда эта защита не сработала вовремя, обида была соразмерна этой вере. Потому что Ан Но был для него самым близким человеком.

— Брат Ань, ты простишь меня? — искренне спросил Бай Ичэнь.

<http://bllate.org/book/18167/1758813>